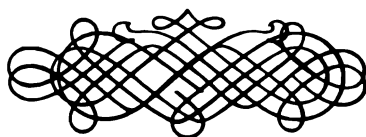

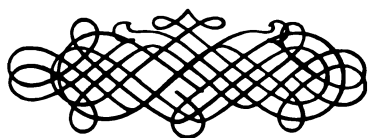
Маргарет Аджемян Анерт

СТУК В ДВЕРЬ

**Музей-институт Геноцида армян
Ереван – 2012**

Маргарет Аджемян Анерт

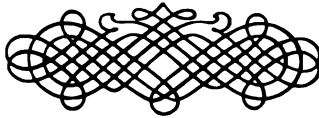
СТУК В ДВЕРЬ

**Музей-институт Геноцида армян
Ереван – 2012**

**Перевод с английского Норайра и Нины Искандарян
Редактор Валерия Ахметьева**

*Эта книга посвящается моей матери, Эстер,
самому храброму человеку из всех, кого я знала, чьи
яркие воспоминания помогли мне написать эту книгу.
Ее голос все еще со мной.*

*...ибо всякое дело Бог приведет на суд,
и все тайное,
хорошо ли оно,
или худо.
Экклезиаст 12:14.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

xiii

**ГЛАВА ПЕРВАЯ
БУМАЖНАЯ КОРОНА**

1

**ГЛАВА ВТОРАЯ
РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ**

13

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НА НЕВЕСТКЕ НЕТ НИЖНЕГО БЕЛЬЯ**

29

**ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ДЕТСТВО В АМАСИИ**

34

**ГЛАВА ПЯТАЯ
ДЕНЬ СМЕРТИ ОТЦА**

55

**ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ БЕДЫ**

62

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ**

74

**ГЛАВА ВОСЬМАЯ
СТУК В ДВЕРЬ**

80

**ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
СГЛАЗ**

93

**ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
БУД-А-ГЕТЧЕРЕ**

99

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
РОКУЭЙ БИЧ**

112

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ЖИЗНЬ С ШАМИЛЕМ

120

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ОРЕЛ НА НАСЕСТЕ

137

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ПОБЕГ

144

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
УЖИН С ТУРКОМ

163

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В АМЕРИКУ

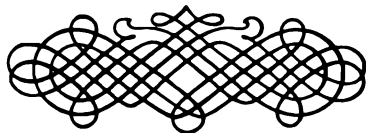
171

ЭПИЛОГ

183

ГЛОССАРИЙ

193

ПРОЛОГ

Мама хотела, чтобы я вышла замуж за армянина, и я так и сделала. Его звали Стив, он был добрым и ласковым молодым человеком. И хотя со временем я его полюбила, этот выбор был сделан не мной. Тогда, в 1950-е годы, я не посмела разочаровать маму, которая, в конце концов, хотела от меня лишь одного — чтобы я вышла замуж за армянина и продолжила род. Говорят, что кровь гуще воды, и я знаю, что это правда, причем в буквальном смысле. Вода — это всего-навсего водород и кислород, а в крови полным-полно тромбоцитов, белков и ДНК.

Мне сейчас за пятьдесят, я замужем во второй раз. У меня двое замечательных детей, и двое внуков, которые мало знают об истории геноцида, пережитом их прабабушкой.

Их прабабушке, моей маме, было всего лишь пятнадцать лет, когда начался геноцид армян. К его концу было убито более миллиона человек.

ПРОЛОГ

Мама умирает. Наверное, и я тоже. Старая, я приобретаю все ожидаемые недуги. На днях врач диагностировал у меня сравнительно безобидное заболевание — разумеется, крови. В моей крови чересчур много тромбоцитов, что повышает вероятность инсульта. Теперь я должна принимать две маленькие розовые таблетки аспирина в день. Мне все равно. Мне нравится думать, что у меня чересчур много крови, и что я полна до краев тем, что мама, я и все мы носим в себе.

Эстер, мой отец Альберт, мой первый муж Стив, мой школьный возлюбленный Джордж, за которого я так и не вышла замуж, и все люди, о которых я знаю из рассказов матери, — все они всплывают в моих воспоминаниях, когда я катаюсь на велосипеде или гуляю в месте под названием «Сосны». Там действительно высокие сосны — они растут по сторонам проселочной дороги на маленьком островке Бимини у берега Флориды, где мы с Бобом, моим мужем, любим ловить рыбу.

Некоторые ученые говорят, что под этим островом лежит затерянный континент Атлантида, и, может быть, Бимини — одна из его горных вершин. Как бы то ни было, когда я рядом с Соснами, я чувствую какую-то энергию, присутствие чего-то священного, как в церкви. Не могу объяснить.

Иногда, находясь там, я вслух разговариваю с отцом, скончавшимся, когда мне было тринадцать. Я напоминаю ему о вопросе, который задала ему, будучи ребенком: почему у меня нет ни теток, ни дядьев, ни двоюродных братьев и сестер, как у других детей в школе? У одного из моих друзей был даже клуб родственников, в котором было триста человек. Тогда, в детстве, папа проигнорировал мой вопрос и сказал только: «*Морцир!*» Но как я могла забыть то, чего никогда не знала? Я говорю папе: «Теперь я знаю».

Мне было уже семнадцать, когда я впервые прочитала «Сорок дней Муса-Дага» Франца Верфеля, свидетельство того, как одна армянская деревня противостояла турецкой армии, и я начала понимать.

Я работала секретаршей в брокерской конторе на Уолл-

ПРОЛОГ

стрит. Каждый день в полдень я совершала короткую прогулку от Уолл-стрит до Бродвея и заходила на кладбище церкви Святой Троицы. Я приносила с собой обед в коричневом бумажном пакете и книгу Верфеля. Я ела одна.

Сидя на каменном надгробии в виде стула в колониальном стиле, я обедала и погружалась в свое наследие. Я пожирала книгу Верфеля, в то время как проходивший мимо парад банкиров и биржевых фокусников спешил к своим сделкам. Незамеченная, я тихо сидела среди мертвых.

Персонажи оживали. Баградяны, главные герои повести Верфеля, были выселены и изгнаны турками так же, как мама и ее семья. Фамилия семьи, взявшей маму к себе, была Баградян. Интересно, может, они родственники?

Персонажи, а в итоге и вся повесть встревожили турецкое правительство настолько, что в 1935-м, когда компания «Метро-Голдвин-Мейер» объявила, что собирается снять по повести фильм, турецкий посол попросил госсекретаря США воспрепятствовать этому. И действительно, картину так и не сняли.

Эта книга изменила мою жизнь. Я начала задавать вопросы про «темное время», время, которое пережила моя мать, — время, которое она пыталась забыть.

Копаясь в старых книгах по истории, я узнала, что армяне и турки сравнительно мирно сосуществовали с десятого века нашей эры. Что изменилось? Я узнала, что в 1890-е годы султан Абдул-Гамид начал поощрять нападения на армянские сообщества. Он считал, что армяне преследуют опасные националистические цели. Из-за своей веры и процветания армяне стали естественным объектом ксенофобии. Армянам-христианам было запрещено носить оружие.

Генри Моргентау, в то время служивший послом США в Турции, в своих мемуарах «История посла Моргентау» описал турецкий народ как «больного человека Европы».

В 1908 году к власти пришло трио, назвавшее себя Комитет «Единение и прогресс», известное также как «младотурки».

Моргентау писал, что правящий триумvirат — Энвер-паша.

ПРОЛОГ

Талаат-бей и Джемаль-паша — оказался даже более жестоким, чем режим Абдул-Гамида. Эти трое и начали геноцид армян.

По словам посла, это делалось очень жестоко и организовано. До 1915 года в Турции жило более двух с половиной миллионов армян. После убийств и жестокостей марша смерти осталась лишь треть. Горстка сбежала через фронты в Россию и на арабские территории. Младотурки уничтожили почти треть всех армян мира.

Посол Моргантау пишет:

«Я нашел запись у себя в дневнике за 3 августа. Там говорится, что Талаат поставил цель уничтожить несчастных армян. Он сказал мне, что Комитет “Единение и прогресс” уже полностью обсудил эту тему во всех деталях и нынешняя политика — та, которую они выработали изначально.

— И вообще, почему тебя так волнуют армяне? — сказал мне Талаат при встрече. — Ты еврей, а они христиане. Мусульмане и евреи всегда прекрасно сосуществовали. Мы хорошо обращаемся с евреями. Чем ты недоволен?

— Вы, видимо, не понимаете, — ответил я, — я здесь не только как еврей, но также и как посол США.

— Мы и с американцами тоже хорошо обращаемся, — сказал Талаат. — Не понимаю, что тебя беспокоит».

Когда все его попытки вмешаться провалились, Моргантау попытался надавить на турок через немецкого посла, но тот сказал ему: «Я прожил в Турции большую часть своей жизни, и я знаю армян. Я также знаю, что армянам и туркам не ужиться в этой стране. Кто-то из них должен уйти. И я не виню турок за то, что они делают с армянами. Мне кажется, что они по своему правы. Более слабая нация должна погибнуть».

Я хотела узнать больше. Я пошла в библиотеку и стала читать книги по истории Армении. Все, что я прочитала, говорило мне, что армяне с глубокой древности — более двух тысяч лет — проживали на большей части территории современной Турции. Я с удивлением узнала, что армяне были первой нацией, принявшей христианство. Святой Григорий Просветитель кре-

ПРОЛОГ

стил царя Трдата в 301 году н.э., а римляне приняли крещение лишь несколько лет спустя.

Я спросила друга, римско-католического священника, был ли ему известен этот факт.

— Я всегда думала, что римляне были первыми христианами, — сказала ему я.

— Многие считают, что первым государством, принявшим христианство, был Рим, но на самом деле первой христианской нацией были армяне, — ответил мне он.

Патриотическая нотка зазвучала у меня в душе.

Из книг я узнала, что во время ужасных событий 1915 года армян сгоняли вместе, пытали и убивали. 24 апреля 1915 года в Константинополе начались депортации армянской интеллигенции и лидеров. Позже, в мае-июне, вышел приказ, согласно которому все армяне-подданные Османской империи старше пяти лет от роду должны были быть вывезены из городов и убиты. Имелся даже приказ, согласно которому все армяне, служившие в турецкой армии, должны были быть изолированы и расстреляны.

Я была поражена! Мама и ее семья были выселены в июне. Мама рассказывала мне о своем брате, Арутюне, который служил в турецкой армии. Его тоже вывели из города и расстреляли, как и всех остальных? Мне следовало знать больше.

Чем занимался в это время весь остальной мир? Разве они не знали? Кто-нибудь писал о том, что видел?

Заголовок «Нью-Йорк таймс» от 18 августа 1915 года гласил: «АРМЯНЕ ОТПРАВЛЕНЫ УМИРАТЬ В ПУСТЫНЮ», а затем, 27 августа — «ТУРКИ ИСТРЕБЛЯЮТ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ АРМЕНИИ». Заголовок от 17 сентября: «СОВЕТ МИССИИ РАССКАЗЫВАЕТ ОБ УЖАСАХ В ТУРЦИИ; КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПОДТВЕРЖДАЮТ ИСТРЕБЛЕНИЕ АРМЯН».

Было ли это геноцидом? Это не могло так называться в 1915 году, поскольку тогда это слово еще не вошло в оборот. Это случилось лишь после устроенного Гитлером истребления евреев.

ПРОЛОГ

«Что вообще значит это слово?» — задумалась я. Я взяла с полки словарь.

«Геноцид: преднамеренное и систематическое истребление национальной, расовой, политической или культурной группы». Если события 1915 года не были геноцидом, то чем они были? Ключевыми словами для меня были «преднамеренное» и «систематическое».

До сих пор ученые не могут прийти к ответу на вопрос о мотивах турецкого правительства. Может быть, Турции никак не удавалось ассимилировать разные нации, которые были частью ее империи? Может, турки наказывали армян за то, что они христиане? Возможно, геноциды происходят без какой-то причины, может, это сбой в наших мозгах, некая выходящая из-под контроля адаптивная стратегия эволюции? В одном я уверена: у нас, у людей, полно сучков и ржавчины.

Я чуть не упала, когда прочитала в книге Луиса Лохнера «Как насчет Германии»: «В 1939 году, когда Адольфа Гитлера спросили о его планах убить всех мужчин, женщин и детей Польши, он ответил: “В конце концов, кто сегодня помнит уничтожение армян?”» Теперь эта цитата вывешена в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне.

В Талмуде сказано: «тот, кто спасает одну жизнь, спасает целый мир». Если бы мир остановил безумие в 1915-м, случился бы Холокост в 1942-м? Ответ ясен — по крайней мере, мне.

Евреи и армяне разделили одну и ту же тяжкую участь. Но в итоге Германия осознала свои преступления. А вот Турция до сих пор не раскаялась, и ее преступления остаются безнаказанными.

Моя мать в юности выжила и бежала в Америку. Теперь, в свои девяносто с лишним лет, она живет в армянском доме престарелых в Нью-Йорке. У нее остались лишь воспоминания и сожаления. Ей есть много о чем вспомнить и почти не о чем жалеть.

Я пишу не ради мести, а ради памяти — о матери и обо мне.

ПРОЛОГ

Однажды, когда я ее навещала, мама откинула голову на подголовник, закрыла глаза и сказала:

— Я помню тот день, когда ты вышла замуж за Стива, в Филадельфии. Ты была такой красивой невестой, но ты не улыбалась. В тот день ты плакала, а я старалась не вникать в это.

— Мама, это было много лет тому назад, — ответила я.

— Я знаю, но мне тяжело на сердце. Я хочу, чтобы ты знала, что мне жаль. Я хотела, чтобы один из моих детей сохранил армянские традиции. Но я была не права. Это было неправильно, это было эгоистично с моей стороны. Ты знаешь, я старалась, как могла. Мне жаль, если я ошибалась. Я хочу, чтобы ты знала это.

— Все в порядке, мама, я понимаю. Я хорошо прожила со Стивом, у нас двое замечательных детей и двое внуков. Я теперь знаю, что это было правильно.

— Ты хорошая девочка, ты всегда делала то, что я просила. Господь когда-нибудь вознаградит тебя.

— Он уже это сделал, мама, — сказала я.

Я подумала о детях, об источнике силы, которая была во мне, об источнике, который мне подарила мать: о ее мире, полном историй.

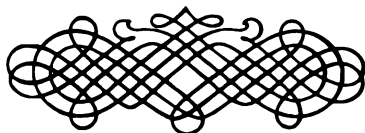
Так родилась эта книга. В каждую мою поездку в Нью-Йорк мама рассказывала истории своего детства, рассказывала так же подробно, как когда я была ребенком. Здесь описана ее жизнь, так как она ее поведала. Она вспоминала, а я стала ее писцом.

Каждый писец оставляет след в своей работе.

Это наша с мамой история, рассказанная вместе.

СТУК В ДВЕРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БУМАЖНАЯ КОРОНА

МАРГАРЕТ — МАРТ 1998 ГОДА

Ледяной дождь барабанил в маленький квадратный иллюминатор боинга, плавно приземлявшегося в аэропорту Ла Гуардия. Помнится, стоял март, было холодно. 12 марта 1998 года, день девяностовосьмилетия моей матери. У меня на коленях лежали две дюжины красных роз, маминых любимых цветов. Я недавно переболела гриппом, у меня все еще продолжался насморк, и раскалывалась голова.

На улице ледяной воздух прожигал лицо, ресницы тут же покрылись инеем. Я жила во Флориде, где всегда тепло, а пляжи белые, как простыни.

— Такси, мисс? У вас есть багаж?

— Нет, нету, — сказала я, сворачиваясь на заднем сидении, надеясь, что печка в машине работает. Она не

работала.

— Куда едем?

— В армянский дом престарелых, — сказала я и назвала адрес.

— Я знаю, где это. Я в этом районе уже сорок лет такси вожу. Вам повезло, что вы сели ко мне. Многие новички по-английски с трудом говорят, да и района не знают.

Худощавый шофер жевал жвачку, отвертительно чавкая. От него пахло хот-догами и простым одеколоном. Улыбка у него была приятная.

В его удостоверении значилось, что его зовут Сеймур Берман. Привычку замечать имена таксистов я приобрела, живя в Нью-Йорке, — отчасти из соображений безопасности, отчасти просто из интереса. Иногда, если фамилия похожа на армянскую, я спрашиваю водителя, не армянин ли он. Если оказывается, что да, то мы говорим об армянской еде, музыке и той части старой Армении, откуда он родом.

Однажды водитель с именем, похожим на армянское, сказал мне, что он турок.

— Ты армянка? — спросил он.

Я спрятала дрожащие руки глубоко в карманы. Струйки пота побежали по лбу и носу. Я боялась признать ему, что я армянка.

— Нет, но у меня есть подружка-армянка, и она объяснила, что если фамилия оканчивается на «ян», то она может быть армянской.

Почему я отрицала свое происхождение? Почему я боялась этого таксиста-турка? Я выбросила эту мысль из головы.

Мистер Берман вел машину по переулкам, ловко объезжая пешеходов, грузовики и тележки со свежими продуктами. По улицам шли покупатели и несли большие пакеты с хлебом и фруктами: помидорами, красными,

СТУК В ДВЕРЬ

как рождественские украшения, дынями-канталупами с грубой кожурой... Мама так же носила покупки много лет тому назад.

Я помню улицу, похожую на эту. Я жила в Бронксе, с родителями Эстер и Альбертом Аджемянами. Несмотря на то, что у меня было две сестры — Роуз и Элисс, — я чувствовала себя единственным ребенком: сестры были намного старше, и у нас имелось мало общего.

На дворе были сороковые годы, и за продуктами требовалось ходить каждый день. Мясо и куры продавались свежие, а не замороженные. Горы продуктов лежали на прилавках, и домохозяйки их тщательно осматривали, выбирая ярко-зеленый шпинат, упругие желтые тыквы и зеленую фасоль.

Десятки куриц носились по проволочному загому, не подозревая о запланированной казни. Однажды мама велела мне выбрать курицу. Дюжий мужчина в окровавленном фартуке, с черными волосами, торчавшими во все стороны, как у дикобраза, взял выбранную мной курицу одной рукой за шею и отрубил ей голову. Куриная голова покатила по засыпанному стружками полу, из шеи брызнула кровь. В тот день я не ужинала и больше никогда не выбирала кур.

Такси въехало в круглый двор некогда величественного особняка. Теперь этот старый дом окружали высокие многоквартирные здания. Из окон тянулись разноцветные полосы белья, развевавшиеся на ветру, как флаги.

В свое время, должно быть, этот дом был великолепен, но теперь строительный раствор между кирпичами еле проглядывал за занавесью плюща, прикрывавшего трещины. Краска на окнах облупилась, однако изгородь была подстрижена со знанием дела. Вывеска над входом гласила, что это дом престарелых. По бокам филанчатой двери, свежевыкрашенной белой краской, стояли бледно-голубые колонны.

МАРГАРЕТ АНЕРТ

— *Ваша мать — на веранде, — сказала мне секретарша, — мы не стали ей говорить, что вы приедете.*

— *Почему?*

— *Иногда родственники говорят, что приедут, а сами не приезжают, и жильцы потом плачут, я сама видела.*

Она показала, как пройти к веранде, и ушла, оставив за собой запах духов. Я прошла через первую комнату после приемной и заметила нескольких старушек и одного старика. Они сидели в деревянных креслах, смотрели прямо перед собой и, видимо, ничего больше не ждали. Мне захотелось подышать, и я вышла обратно на улицу.

Опавшие дубы в саду покрывал тонкий слой инея. Длинные ветви переплетались между собой и напоминали массу переплетенных костлявых рук и ног. Корявые деревья напоминали мне горы трупов, которые я видела на фотографиях геноцида армян 1915 года.

Во дворе было душно и пасмурно. Я глубоко вздохнула. Воздух был сладким и свежим — так иногда пахнет перед снегопадом. Я думала: когда же наконец пойдет снег, сколько дюймов выпадет. Шел ли снег в Амасии, где родилась мама? Надо было взять себя в руки.

Я снова вошла в здание, прошла через приемную на веранду и остановилась в ее центре, окунувшись в дымчатые лучи вечернего солнца. Вдоль стен стояли потертые зеленые кожаные кресла. Свежеотлакированные потертые плитки пола добавляли помещению некоторый лоск. Банкетные столы и деревянные стулья переставили для компаний по четыре и шесть человек.

Прямо на веранде, справа от двери, стоял роскошный алтарь, которым могла бы гордиться любая церковь. Алтарь был аккуратно застелен крахмаленной кружевной салфеткой, по бокам ровно стояли два канделябра, кадило, Библия в кожаном переплете с золотым крестом и потирная чаша, покрытая белым льняным полотенцем. Каждое воскресенье здесь проводилась служба для

СТУК В ДВЕРЬ

жилецов.

Я увидела маму. Она сидела рядом с худой седой женщиной, в стороне от всех остальных в зале. Волосы у мамы стали короткие и прямые — куда-то подевалась ее мягкая кудрявая шевелюра, которая ей так нравилась. Я пошла к ней, собираясь спросить: «Кто тебя так постриг? Почему ты позволила так коротко себя постричь?»

Но вместо этого я промолчала.

— Маргарет, это ты? Да! Эй, все, смотрите: ко мне дочка приехала! — сказала она по-армянски, хлопая в ладоши, как ребенок. — Это моя Маргарет, она приехала меня повидать аж из самой Флориды.

На секунду задумавшись, мама повернулась ко мне:

— Или ты приехала из своего дома в Пенсильвании? У моей дочери два дома, — похвасталась она сидевшим рядом женщинам. — Я так рада тебя видеть.

Мама разговаривала со всеми по-армянски. Большую часть своей жизни она проговорила по-английски, а в доме престарелых вернулась к языку предков. Мама, словно хамелеон, умеет переходить с языка на язык в зависимости от окружения.

Вот ключ к тому, как она выжила, подумала я. Она умела приспособливаться. Живя сегодняшним днем, она всегда принимала то, что не могла изменить, и реагировала соответственно. Это был ее дар. Она мне много раз говорила: «Важно не то, что случается с тобой в жизни, а то, как ты на это реагируешь. Нужно брать все хорошее вместе со всем плохим и никогда не оборачиваться».

Мама казалась такой маленькой, такой хрупкой! Ее глаза живо блестели, а кожа была старая и тонкая, казалось, ее кости обтянуты пергаментом. Она втягивала воздух слабой грудью. Я нежно взяла ее костлявую, словно восковую, руку, более морщинистую, чем я ее помнила. Я сжала ее пальцы в своих.

— Ой, больно! — воскликнула мама.